

— Очевидно, Каҳрамон Силлиевич, самое главное сегодня — донести до каждого идеи XXVII съезда КПСС, его установку на ускорение социального — экономического развития, расширение демократии, гласности, самостоятельности в делах. Важно, чтобы человек до конца поверил в необратимость общественных перемен, твердо, сознательно встал на сторону нового. Согласитесь, здесь многое зависит от эффективности работы идеологического актива. Как вы смеете нас расценивать?

— Я смотрю на вещи реально. В последнее время наш аппарат как-то сдал позиции, утратил в своей работе целенаправленность, ослабил его связи с жизнью. Диагноз поставил без труда: формализм. За воротом отлакированных мероприятий, постановлений, справок потерпела конечная цель всей идеологической работы — человек.

Возьмем партийную и экономическую учебу. Если подходить со старыми мерками, все нормально. Больше лекторов, пропагандистов, шире охват. Но откуда тогда берутся коммунисты, не владеющие азами политической грамоты? Почему так много еще бригад, отделений, возглавляемых партийцами, не спрашиваются с пакетами? Решили разобраться. Начали анализировать, например, как пропагандируют, изучаются материалы партийного съезда в совхозе «Уч каҳрамон». Выяснили ряд серьезных недостатков, которые практически настелили «пределенную работу». Вся она оказалась «покрытой» толстым пальмовым словом формализма. Никаких тебе споров, диспутов, живых откровенных бесед с молодежью, рабочими. Азбучные истины подавались в раздраженном виде, на уровне примитивной агитации. На заседании бюро райкома по этому поводу состоялся горячий, острый разговор. Причем полезен он был и вожакам совхозных коммунистов, и нам.

Другой важный инструмент

ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ: ГРАНИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

НИ К ЧЕМУ ЛИТАВРЫ

Жизнь все настоятельнее требует перестройки идеологической работы. Максимально приблизить ее к человеку, к рабочему коллегам, наполнить новым содержанием — эту задачу поставил III пленум ЦК Компартии Узбекистана. О том, как она решается, наш корреспондент В. Березовский беседует с секретарем Откырского райкома партии Джизакской области К. СИЛЛИЕВЫМ.

Человек все время нуждается в основном внимании идеологических работников. Понтересовались, как помочь ему пройти через порог обывательства. Применяется методика, утверждение социалистического образа жизни в районе координирует и направляет специальный совет при райкоме партии.

Еще один новый орган? Может, вполне хватило и прежних, справиться с ними? Кстати, давайте коснемся такой проблемы, как оценка идеологической работы. Не все педагоги включились в работу по осуществлению реформы. Одному не хватает энтузиазма, другому — требовательности, третий живет старым бараком и никто его не требует.

Есть, конечно, и примеры положительные. Долго нас беспокоили СИПУ-3 — главная кузница рабочих кадров района. Попали на замену руководства. И только выиграли. Укрепился контакт училища с совхозом имени Ю. Ахунбабаева, ребята получили в свое распоряжение новую технику, поливную машину. На практике осваивают целинные университеты.

Конечно. Жизнь показала: наши идеологические промахи не остаются безнаказанными. Стоило, скажем, ослабить атлетическую работу, тут же поплатились.

Но урок получили и райком партии. Политики отныне неизменно в поле зрения, мы стремимся придать им деловой характер, повысить эффективность, результативность, превратить в эффективный инструмент убеждения.

Накопились претензии и в нашей районе. Слишком легко впадают порой журналисты в неуместный восхититель. Выполнит, допустим, отделение план — и тут же чутко не панегирики. А ведь люди, если разобраться, не только что наработали кармашки, еще изрядно наследили.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на себя.

На это мы обратили внимание газетчиков, сотрудников радио, потребовали от них

сделать свое дело. Успех, разумеется, отметил надо, но не взял на

К 150-летию со дня гибели А. С. Пушкина

«Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала его смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Каждая эпоха пронзится о них свое суждение, и как бы ни верно поняла она их, но всегда оставит следующей за ней эпохе сказать что-нибудь новое и более верное, и ни одна и никогда не выскажет всего».

Этими словами Беллинский прозорливо предсказал Пушкину бессмертие.

Ленин любил Пушкина за ясность и простоту, высоко ценил его за то, что он прекрасно умел передавать большие чувства — любовь, ненависть, тоску, муки творчества, порывы к свободе.

Горский сказал о Пушкине: «Большой русский народный поэт, создатель чарующих красот и умом сказок, автор первого реалистического романа «Евгений Онегин», автор лучшей нашей исторической драмы «Борис Годунов», поэт, до сего дня никем не превзойденный ни в красоте стиха, ни в силе выражения чувства и мысли, поэт — родоначальник великой русской литературы».

Низкая Пушкина, короткая и трагическая, — высочайший перевал в истории мысли и слова российской. Пожалуй, зазвучал русский язык, достигший уникального сочетания воздушности и энергии, напевности и мощи. Впервые в России поэзия стала политической трибуной, грозящей «неправедной власти» и оправдывающей своим гневным и огненным словом бесправных. Как художник-мыслитель он искал в прошлом причины политической драмы, протекавшей на его глазах. Как гениальный поэт он отстаивал в истории ценности будущего. Моральная целостность природы Пушкина, его оптимизм, глубина переживаний, талантливое изображение действительности близки и дороги советскому члену.

«Звезда пленительного счастья»

Эти слова — не только высокая поэзия. Это — дух, революционные устремления Пушкина, мечтавшего о том, что

Россия вспряннет от сна
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

Каким узранным в будущем надо быть, чтобы написать такие строки в то время, когда, говоря словами Ленина, «монархи то зигграли с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и «спускали» на верноподанных Аракчеевых».

Вспомним, даже самые просвещенные люди того времени владели, как тоно определи Герцен, «в глубокое отчалие и всеобщее уныние». Но тот же Герцен скажет: «Только звонкая и широкая песнь Пушкина раздавалась в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, полнила своими мужественными звуками настоящее и посыпала свой голос в далекое будущее».

Николай I спросил Пушкина: «Что сделали бы вы, если бы четырнадцатого декабря были в Петербурге?» «Стал бы в ряды мятежников», — ответил поэт. Агент тайной полиции доложил: «Все чрезвычайно удивлены, что знаменитый Пушкин, который всегда был известен своим образом мыслей, не привлечечен к делу заговорщиков».

Действительно, среди декабристов у Пушкина было много «друзей и братьев», он «был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков». Все возмутительные рукописи, сообщают Пушкин, ходили под моим именем. Декабристы зачитывались ими, в них они находили ненависть к царизму, призыв к его свержению.

Через все свое творчество Пушкин пронесет веру в то, что «возьдет она, звезда пленительного счастья», что наступит радостный мир свободы. Он напишет об этом в письме декабристам, которые устами Одоевского отзовутся из Сибири: «Струн веших пламенных звуков до слуха нашего дошли!»

Гибель Пушкина потрясла декабристов. Это была потеря независимого друга и величайшего национального гения.

Поэта отличало политическое и религиозное вольнодумство, вера в мужество человеческого разума и в силу первозданных идей, непримиримое чувство, что связано с ограничением свободы личности. Поэт горько переживал усиление реакции. Он вопрошает:

Кто, волны, вас остановил,
Кто оковал вас бег могучий,
Кто в пруд безмолвный и дремучий
Погонял матежный обратил?

И призывает:

Взыграйте, ветры, взорвите воды,
Разрушьте гибельный оплот!
Где ты, гроза — символ свободы?
Промчишь поверх невольных вод.

В письме к декабристу В. Л. Давыдову Пушкин задает вопрос: «Ужель надежды луч исчез?» И сам же решительно отбрасывает разочарование: «Но нет! — мы счастью насладимся!»

В эпоху реакции поэт ждет «с томлением — упование минуты вольности святой», он твердо убежден в том, что старое общество созрело для «великого разрушения».

Пушкин томила жажду «великих перемен». Поэт-исследователь, поэт-мыслитель искал пути и общественные силы для их осуществления. Современники называли его одним из самых «политических» русских поэтов XIX века. Как никто другой, Пушкин высыпал «высыпши свет», не упуская возможности высказывать свое отношение и к царям. Он даст убедительную характеристику своему обществу:

Беда стране, где раб и льстец
Один приближен к престолу.

Он пишет острые, злые эпиграммы, в которых показывает чистоту силовых сфер. Вот как охарактеризована им личность Александра I:

Властильщик слабый и лукавый,
Плезианый щегол, враг труда...

Екатерину II Пушкин называл «Тартюфом в юбке и короне». Ее владычество «возбуждало гибнущее соревнование в высших состояниях, ибо не нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве».

Узнав о том, что Николай I дал указание вскрывать все его письма, Пушкин с негодованием записывает в своем «Дневнике»: «Государю неудобно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностью... Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благословленному и честному), царь не стыдится в этом признаться».

«Тираны мира! Трепещите!» — гневно восклицает поэт в «Вольности». Мысль о «вольности святой» пройдет через многие и многие пушкинские творения.

НА ТРАССАХ ЧИМГАНА

СЕГОДНЯ НА НАШЕМ ЗИМНЕМ СТАДИОНЕ НАЧУЮТСЯ МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОРЕВНОВАНИЯ ПО ГОРНОЛЫСКУМУ СПОРТУ.

На трассы Чимгана вышли сборные юношеские коман-

«В глухи звучнее голос лирный...»

Пушкин — явление широкого исторического значения, перешедшее национальные и языковые границы. И в то же время он национален. Его творчество отразило русскую действительность со всеми присущими ей противоречиями. Очень точно сказал об этом Достоевский: Пушкин — поэт «с всемирной отзывчивостью», причем в этой отзывчивости и «выразилась наиболее его национальная русская сила», выразилась именно народность его поэзии, народность в дальнейшем своем развитии, народность, наследованная будущего, тащащего уже в настоящем, и выразилась пророчески».

Пушкин подошел ближе всех своих современников к пониманию роли народа как выразителя богатств русской нации. Пушкинское понимание народности было высшим завоеванием русской культуры, самым важным итогом литературного движения эпохи декабристов.

В народе черпал он вдохновение для создания «Евгения Онегина», «Бориса Годунова», «Графа Нулина», «Дервиши», «19 октября», «Зимнего вечера». «Вновь я посетил...»

В родной стороне черпал поэт богатство жизненных на-

Пушкин нельзя не верить. Потому что за каждым словом его — колоссальная, напряженная работа, размышление, убежденность. Рукописи Пушкина показывают, как народно он доводится всем, что создавало его велическое перо, и какого поистине титанического труда стоило ему совершенство его произведений. А. В. Луначарский сказал: «Рукописи Пушкина — это пример огромнейшей добросовестности, трудолюбия и самокритики».

А вот как анализировал творчество Пушкина В. Я. Брюсов: «Следя за работой Пушкина, видишь, как он создает стройное целое из первоначального хаоса мыслей и образов, как постепенно он совершенствует стих и взаимо слов, уже ярких и метких, умеет находить еще более прекрасные. Для русского поэта не может быть лучшей школы, как вникнуть в поправки Пушкина, стараясь разгадать, почему он отказался от такого-то сочетания звуков, почему он один эпитет предпочел другому, почему он изменил или откликнул то или иное выражение».

Да и сам Пушкин не раз отмечал, что талант не должен чуждаться труда, что «без него нет истинно великого», «он — необходимое условие художественного творчества».

Широте умственного кругозора поэта и глубине его познаний удивлялись его современники, не перестаем

желательства и мудрости, вторые передко жестоки, своеобразны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности или, по крайней мере для будущего — вторые у нетерпеливого самовластного помещика». Так написать мог только крупный ученый-историк.

Во многих произведениях Пушкина нетрудно увидеть детализированную картину значения отдельных наук и практического их применения.

Наполни воды кораблями,
Моря соединя реками,
И рвами блата иссуши.

Это о механических, кораблестроительных, гидрографических и даже мелиоративных работах. А вот о метеорологии:

Нука легких метеоров,
Преимены неба предвещают,
И бурный шум воздушных споров
Чрез вершины знаки предъявляя.

У кого не вызывает восхищения и трепет стихотворение «Редеет облаков летучая гряда...»

Звезда печальная, вечерица звезда,

Твой луч осеняет увядшие равнины,

И дремлющий залив, и черных скал вешины...»

Это не только божественно-лирические строки, это и астрономическая картина, незаурядная наблюдательность.

Пушкин очень внимательно следил за развитием научной мысли своего времени. В обрите его наблюдений были и такие научные отрасли, от которых он, казалось бы, должен был по складу своих интересов стоять дальше. Но все волновало его, о многом он мечтал. О том, что

Мосты могучие через воды
Повинуют звонко дугой...

Он верил в науку, в ее предназначение для цивилизации, для людей. И сумел показать ее значимость в глубоких мыслях ученого и нежных образах поэта.

«Пред солнцем бессмертным...»

Пушкин — это «странная вечность». Подумать только, еще тогда поэт рассматривал проблемы будущего человечества разоружения, наказания военных преступников, установления мира на земле. Шестнадцатилетний поэт мечтает:

Утихла брань племен, в пределах отдаленных
Не слышаны битвы шум и голос труб военных;

С небесной высоты, при звуках стройных лир

На землю мрачную нисходит светлый Мир...

Он ратует за то, чтобы «во всей вселенной воскресли мир и тишина». Он твердо убежден в том, что война — не вечный закон, что она может быть устранима народами.

Как о скоровенном мечтает он «о временах грядущих, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».

Поражает скромность Пушкина. Конечно, он не мог не осознавать значения своего творчества. Уже лирические стихи, в которых начинаящий поэт стремился идти по следам Батюшкова и Жуковского, отличались от их стихов яркостью и живостью зарисовок жизни, особой выразительностью языка. Со временем его творчество — особенно поэзия последних лет, новаторская проза — показали и высшему свету, и простому люду, как талантлив и самобытен Пушкин. И при всем этом он был очень скромен и тактичен в высказываниях о себе, мог спокойно прислушиваться к замечаниям, подчас едким и колким. «Я не герой, по лаврам не тоскую», — скажет он о себе. «Что слава?» — вопросил поэт и сам отвечал:

— Яркая заплата на ветхом рубище певца.

А как тогда быть с пушкинским «Памятником»? Как его слова согласуются со скромностью поэта? Дело в том, что пушкинский «Памятник» соотнесен со стихами Горация и Державина. Это дань традиции, приверженности установленной схеме показа своего отношения к предназначению поэта. Пушкин почти полностью цитирует стихотворение Державина «Я памятник себе воздвиг...» Здесь не только подражание, а дословное повторение строк. Отступление Пушкина от своего предшественника и полемика с ним — там, где их взгляды не совпадают. А не совпадают они в главном. Но восхваление дежных монархов, а призыва к борьбе за свободу — вот отличие концепций двух поэтов.

Пушкин не напечатал своего «Памятника» при жизни. Не позволила скромность. Да и такое произведение не пропустила цензура. За полгода до гибели Пушкин оставляет будущему поколению свои мысли, предоставляемые потомкам судить о поэте и гражданине.

Пушкин — первый поэт, который приобщил Россию к литературе как к художеству, как к искусству.

Современники Пушкина И. А. Гончаров восхликает: «Какой свет, какая волшебная даль открылась вдруг и какие струи правды и поэзии и вообще жизни, притом современной, понятной, хлынули из этого источника, и с каким блеском, в каких звуках!»

Искусство, доведенное Пушкиным до волшебства и совершенства, стало могучим средством познания жизни, чудесной школой воспитания.

«Пушкин у нас начало всех начал», — скажет Горький.

По словам Гоголя, Пушкин был для всех поэтов, эмоционально сброшенный с неба поэтический огонь, от которого, как свечки, зажглись другие самобытные поэты... Моя жизнь, мое высшее наслаждение умерло вместе с ним. Когда творил, я видел перед собой только Пушкина. Ничего не предпринимал, ничего не писал без его совета. Все, что у меня хорошего, всему я обязан ему».

Эти слова могли повторить Баратынский, Лермонтов, Тютчев, Языков, Полежаев и многие другие. Как своего ученика благовечно чтили Пушкина Тургенев, Лев Толстой, Достоевский, Гончаров, Островский, Некрасов, Фет, Чехов, Есенин, Маяковский. Творчество Пушкина сыграло значительную роль в формировании взглядов Белинского и Герцена.

Но боимся сказать: гений Пушкина и в будущем может родиться великим мастером слова, ибо он — не исчезающий родник вдохновения и творчества.

Вся жизнь преследовали Пушкина и восторженные почитатели, и оскорбительная хула. Но особенно неясны были годы, в которых Пушкин оставил жизнь. Всю свою жизнь, тяжелой была жизнь в годы, предшествовавшие его гибели. Болью и гневом отозвалась эта трагедия в русских сердцах. Воронежский писатель Кольцов произнес: «Прострелено солнце». Вдалеке Мюнхене молодой служащий русского посольства Тютчев предсказал: «Тебя, как первую любовь, — Россия сердце не забудет».

Люди отметят: после Пушкина мир стал лучше. Пушкин и сегодня — тот кристальный и чудесный источник.

Пушкин — самое полное выражение духовных сил России. И чем дальше отделяются годы от пушкинского времени, тем ярче светится «солнце русской поэзии», тем ближе и роднее он становится людям. Поэтому Пушкин бессмертен, поэтому Пушкин вечен.

И благодарное человечество — «и гордый внук славян, и финн, и ныне дикий тунгус, и друг степей калмык», все, кто прикасается к пушкинскому волшебству, — склоняют голову перед памятью великого певца